

Глава 16. Право на имя

Вэй Вэнькан заметно смягчился. В конце концов, Цзяо-гэ'эр всё же понимал, что такое благодарность и приличия.

Лю Тяньцзяо же втайне посмеивался.

«Не зря отец говаривал, что Вэнькан хорош всем, да только матушка его слишком долго взаперти держала — жизни парень совсем не знал. Вот и сейчас: стоило сказать пару ласковых слов, как он тут же поверил»

— Ешь скорее, попробуй, пришлось ли по вкусу. Со сворой из старого дома совладать непросто: если сейчас не подкрепишься, потом на споры и сил не останется.

Тяньцзяо то и дело подкладывал собеседнику в чашу лучшие куски. Там были и овощи, и мясо — угощение вышло на редкость богатым.

В старых трактатах сказано: «Когда амбары полны, народ знает меру в обхождении; когда одежды и пищи в достатке, народ понимает, что такое честь и позор». Но соблюдать трехлетний траур, отказываясь от мяса, могли себе позволить лишь богачи. Простой же люд мясо видел считанные разы в году, так что к запретам относились проще — соблюдали видимость приличий до самых похорон, и на том довольны.

Видя, что Цзяо-гэ'эр не отступит, Вэнькан принял чашу.

С тех пор как юноша похоронил мать и сам стал хозяйничать у плиты, ему ни разу не доводилось поесть досыта. Он подцепил палочками кусочек хуншаожоу — мясо так и сияло аппетитным алым глянцем. Стоило положить его в рот, как нежный, тающий жирок разошелся на языке. Вкус был сладковатым, но не приторным, а аромат — глубоким и долгим.

Тяньцзяо, не отрываясь, следил за ним.

— Ну как? Вкусно?

Вэнькан из последних сил сдерживал желание немедленно схватить еще кусок.

— Весьма недурно, — сдержанно ответил он.

— Только «недурно»? Неужели не «превосходно»?

Тяньцзяо и не думал скромничать.

— Отец всегда говорил, что моя тушёная свинина — это нечто особенное, никакие городские повара со мной не сравнятся. Будь у нас денег побольше, он бы только её и ел на завтрак, обед и ужин.

Продолжая расхваливать себя, юноша ловко подложил гостю еще несколько ломтиков — в меру жирных, в меру постных.

— Ты, верно, просто не распробовал с первого раза. Ну-ка, отведай еще раз внимательно.

Вэнькан, делая вид, что уступает лишь из вежливости — хотя в душе он жаждал этого мяса — съел еще несколько кусков. Наслаждаясь едой, он одновременно корил себя за слабость, пока под ласковым напором Тяньцзяо наконец не признал: еда действительно отменная, и аромат, и вкус — всё выше всяких похвал.

После этого атмосфера за столом стала куда непринужденнее. Оба были в том возрасте, когда аппетит не знает преград, так что вскоре от трех блюд и супа не осталось и следа.

Тяньцзяо прибрал посуду, но мыть её не спешил. Он поправил одежду и приготовился ждать гостей из старого дома Лю.

***

Вскоре снаружи послышался шум. Целая толпа народа торжественно шествовала к дому — со стороны могло показаться, будто все жители округа разом решили сходить на рынок поглазеть на диковинку.

Тяньцзяо прикинул на глаз: пришло человек тридцать-сорок. В доме все бы точно не поместились, поэтому он пригласил войти лишь старосту и главу рода. Остальным же прямо заявил: в доме после похорон еще кавардак, так что пусть располагаются во дворе, где придется.

У каждого здесь был свой интерес, поэтому на дерзость юноши внимания не обратили. Кому хватило места — сели в комнате, остальные же, ничуть не стесняясь, уселись прямо на землю у порога.

— Ладно, довольно суетиться, перейдем к делу, — староста присел, отхлебнул чаю и внимательно посмотрел на Вэнькана. — Цзяо-гэ'эр утверждает, будто его отец, Лю Лаода, еще при жизни сосватал вас. Это правда?

Лю Тяньцзяо, затаив дыхание, уставился на жениха, боясь, как бы тот не сболтнул лишнего.

Но Вэнькан остался верен слову. Он вежливо поклонился старосте и спокойно, без тени суеты, ответил:

— Именно так. Мы условились, что свадьба состоится сразу, как только закончится траур по моей матушке.

Лю Лаоэр изменился в лице.

«Разве Лю Лаояо не уверял, что всё это выдумки? — подумал он. — Почему тогда Вэй-сяоцзы так открыто и уверенно во всём признаётся?»

По комнате и двору поползли шепотки.

— Значит, правда... А мы и не слыхивали.

— Вот именно! Разве не говорили, что староста хотел отдать за него дочку, а мальчишка Вэй отказал?

— У Старшего Лю, может, и водились деньги, но неужто он богаче самого старосты?

Люди думали, что шепчутся тихо, но в маленькой комнате каждое слово было слышно. Староста, привыкший к беспрекословному подчинению, давно не оказывался в столь неловком положении. Гнев на мгновение промелькнул в его глазах.

— Мальчишка Вэй, почему же я прежде об этом ни звука не слышал? Не отговорка ли это?

Вэнькан и бровью не повел.

— Как смею я лгать почтенным старшим? Разве не служит тому доказательством залог?

Лю Лаоэр не выдержал:

— Тогда почему ты молчал, когда сваха Ван приходила в твой дом? Небось, нарочно скрытничал!

«Олух! — мысленно выругался Лю Лаояо. — Староста и так задет за живое, а этот еще и орет на всю ивановскую».

Младший Лю едва сдержался, чтобы не отвесить второму брату затрещину.

— О каком умысле речь? — спокойно отозвался Вэнькан. — Помолвка была делом частным, и мы еще не объявили о ней во всеуслышание. Если бы я стал трубить об этом на каждом углу, не повредило бы это чести Цзяо-гэ'эра?

Но Лю Лаоэр не унимался:

— Какая еще честь? К нему отродясь никто свататься не заходил!

Вэнькан нахмурился, и в его голосе зазвучали суровые нотки:

— Дядюшка Лю, Тяньцзяо — ваш родной племянник. Как у вас язык поворачивается так о нем говорить?

— Ладно, замолкните все! Развели тут балаган, — староста с силой хлопнул ладонью по столу.
— Мальчишка Вэй, ты хоть понимаешь, что делаешь? Ты человек ученый, а идти в примачи — значит навлечь на себя насмешки. После такого ни в одной академии никто из приличных людей с тобой знаться не захочет.

Вэнькан ответил с достоинством:

— Раз я дал слово жениться на Тяньцзяо, то не отступлюсь из-за пустых пересудов. Что бы ни думали окружающие, моя совесть перед самим собой чиста.

Лю Лаояо, видя, что второй брат снова собирается вставить слово, поспешил заговорить первым:

— В твоей порядочности мы не сомневаемся, и для племянника такой муж — великая удача. Но староста прав: ученому мужу идти в мужа-наследники — значит терпеть несправедливость. Раз Старшего Лю уже нет с нами, к чему слепо держаться старых условий? Это лишь помешает вашей будущей жизни. Давайте лучше заменим вхождение в семью жены на обычный брак: ты возьмешь Тяньцзяо в жены, и он войдет в твой дом.

Лю Дафа погладил бородку:

— Мысль дельная. И волки сыты, и овцы целы. Староста, что скажете?

Лицо старосты всё еще горело от обиды, но что он мог поделать? Братья Лю были людьми понятливыми и заранее посулили ему немалую выгоду.

— Пожалуй, так будет лучше. Мальчишка Вэй нужно об учебе думать, а не о ярме примача. Что скажешь, парень?

Староста был уверен, что тот согласится. Ведь положение мужа-наследника в семье порой было ниже, чем у невестки. Раз Лю Лаода в могиле и некому больше давить, Вэнькан должен был выбрать свободу.

Лю Тяньцзяо похолодел.

«На его месте любой бы заколебался, — с ужасом думал он. — Но если он согласится на обычный брак, всё пропало!»

По законам Великой Цянь г'эры и женщины, выходя замуж, теряли всякое право на наследство. Стоило Тяньцзяо «выйти замуж», как родня из старого дома тут же назначила бы покойному отцу приемыша-наследника, и тогда ни земли, ни дома, ни лавки ему бы не видать.

С замиранием сердца юноша посмотрел на Вэнькана.

— Благодарю старосту за заботу, — раздался спокойный голос. — Я и сам полагаю, что лучшего выхода не найти.

У Тяньцзяо всё внутри оборвалось. Винить Вэнькана было нельзя — кто бы на его месте поступил иначе? К тому же он и так согласился на этот союз под принуждением. Глупо было ждать от него чего-то большего.

Родня Лю уже торжествующе переглянулась, староста довольно кивнул, собираясь закрепить решение, но Вэнькан продолжил:

— Однако благородный муж живет честью. Раз я обещал дяде Лю войти в его семью, то не в моих правилах брать слова назад. Прошу почтенных старших позволить мне исполнить обещанное.

Тяньцзяо в изумлении разинул рот. Он даже пальцем в ухе поковырял — не ослышался ли?

— Ты... ты правда согласен идти в примаки?

Староста, напротив, пришел в ярость. В последние дни его власть то и дело ставили под сомнение.

— Мальчишка Вэй, ты хоть понимаешь, на что подписываешься? Тебе придется сменить фамилию! Отныне не только ты, но и все твои потомки будут зваться Лю!

Лю Лаояо тоже вставил свое слово:

— Мальчишка Вэй, ты же единственный сын в роду. Если пойдешь в мужья-наследники, корень твоей семьи прервется. Как ты на том свете предкам в глаза смотреть будешь?

Тяньцзяо, видя такое благородство, решил, что и ему не стоит перегибать палку.

— Пусть не меняет фамилию! — звонко выкрикнул он. — Мы нарожаем много детей, и одного запишем на его фамилию, чтобы род Вэй не пресекся.

Лю Дафа, которого давно бесило самоуправство племянника, рявкнул:

— Глупости! Испокон веков примак берет фамилию жены. Кто ты такой, чтобы порядки менять?

— А я и не меняю! Раз в нашей семье нет сына, которого можно было бы сделать наследником, почему в семье Вэй нельзя сделать так же? Нельзя же притеснять человека только за то, что он не местный!

— Да какой же это примак без фамилии Лю?

— Чтобы он звался Лю Вэньканом, а я — Лю Тяньцзяо? — фыркнул гэ'эр. — Звучит как имена братьев, до чего же нелепо! В законах сказано лишь, что дети от такого брака должны носить фамилию матери. Там ни слова не написано, что сам муж обязан менять имя. Это всё выдумали те, кто хочет принизить мужей-наследников, чтобы они и головы поднять не смели!

Тяньцзяо обвел взглядом присутствующих:

— В нашей деревне не у одних нас нет сыновей. Рано или поздно многим придется искать мужа-наследника. Если мы позволим Вэнькану сохранить имя, все увидят, что наша деревня добра к зятям. Глядишь, и охотников войти в наши семьи прибавится.

В этих словах была доля истины. В деревне было несколько домов, где из-за бедности в жены брали гэ'эров, а те не всегда могли подарить наследника. За глаза соседи над ними посмеивались: мол, так им, беднякам, и надо.

Но была и семья Чжэн. Глава того дома был человеком болезненным: после рождения дочери он совсем занемог и больше не мог делить ложе с женой. Однако именно эта семья поднялась на разведении скота — у них в стаде было несколько десятков волов. Вся деревня зависела от них в пору пахоты, поэтому ссориться с Чжэнами никто не решался.

Старик Чжэн, при своей немощи сумевший удержать хозяйство, был человеком хитрым. Он давно объявил, что ищет для дочери примака — человека достойного, статного и, желательно, обученного грамоте. Условия он предлагал завидные: зять будет в почете, помогать вести дела, и ему не придется менять фамилию, а один из внуков сохранит родовое имя отца.

Лю Тяньцзяо просто вовремя вспомнил об этом примере и решил им воспользоваться.

Если старосту люди боялись из-за его власти, то перед Чжэнами заискивали ради выгоды. И пусть сейчас хозяина Чжэна здесь не было, сельчанам пришлось призадуматься: стоит ли из-за

дела, которое их совсем не касается, навлекать на себя гнев столь важного семейства?

<http://bllate.org/book/15343/1372752>